

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ИТАЛЬЯНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА

Каждый язык в процессе своего формирования переживает периоды взлетов (или интенсивного развития) и падений (замедления, стагнации). Это связано как с благоприятной/неблагоприятной исторической, политической, экономической ситуацией, так и с появлением отдельных исторических личностей.

В 2011 году Италия отметила 150 лет национального единства, в работе представлен краткий анализ периода до и после объединения, и то, как эти события отразились на процессе становления национального языка и идентичности.

Ключевые слова: Италия, национальная идентичность, национальный язык, Рисорджименто, Леопарди, Кавур, Гарибальди, Манзони

В связи с празднованием 150-летия объединения Италии в 2011 году многие итальянские исследователи предприняли попытку переосмыслить события, приведшие к объединению Италии и роль некоторых исторических личностей, которые были несправедливо забыты или деятельность которых воспринималась, по тем или иным причинам, искаженно. В статье мы хотели бы затронуть деятельность некоторых героев эпохи итальянского Рисорджименто через призму формирования национального характера и национального языка.

Вопрос об итальянской национальной идентичности в начале 19 в. поднимается в дискуссии, порожденной романом Жермены де Сталь «Коринна или Италия», написанном в 1807 году. В уста главной героини Коринны де Сталь вкладывает собственные мысли об Италии, итальянском обществе и итальянском характере. Она отмечает раздробленность и разобщенность итальянцев: «Не подлежит сомнению, что образ правления влияет на характер народов, и в самой Италии можно увидеть удивительное различие в нравах различных

государств, которые ее составляют. Пьемонтцы, образующие ядро нации, наиболее воинственны; флорентийцы, знавшие, что такое свобода и терпимость правителей, выделяются своей просвещенностью и душевной мягкостью; венецианцы и генуэзцы отличаются способностью к усвоению политических учений, ибо имеют аристократию, проникнутую республиканским духом; миланцы более искренни, чем остальные итальянцы, ибо народы Севера испокон веков привили им эту черту; неаполитанцы могли бы стать храбрыми воинами, потому что у них столько веков было хоть и несовершенное, но свое собственное правительство. А римская знать, лишенная возможности проявить себя на военном и политическом поприще, неизбежно становилась ленивой и невежественной...» [1, с. 80].

Идеи об отсутствии в Италии единого общества разделяет итальянский поэт и мыслитель, предстательно романтико-националистического направления, Джакомо Леопарди. Критичным духом в отношении царящих в Италии нравов проникнуто практически все его поэтическое наследие.

Одно из самых знаменитых стихотворений «К Италии» было написано еще в 1818 году. В нем поэт оплакивает былое величие своей родины:

*... Chi di te parla o scrive,
che, rimembrando il tuo passato vanto,
non dica: – Già fu grande, or non è quella? –
Perché, perché?*

“Все, кто пишет или говорит о тебе,
Вспоминая о твоём славном прошлом
Говорят: – Была великой, сейчас уже нет?
Но почему, почему? (Перевод наш. – М. С.)
Хорошо эта боль передана в переводе Анны Ахматовой:
Вокруг все те же слышатся слова:
Была великой ты – не такова
Теперь. О, почему? (Перевод А. Ахматовой) [2, с.10].

В своем трактате «Размышления о современном состоянии итальянских нравов», написанном в 1824 г. (опубликован только в 1906 г.), он сетует об упадке и разобщенности итальянцев и называет итальянцев «наиболее циничным, среди других народцев».

Несмотря на столь горькие слова по отношению к итальянскому народу, критики не сомневаются в высокой оценке поэтического дара Леопарди. Бенедетто Кроче пишет о нем «(оценивая Леопарди)...нельзя позволять себе останавливаться перед высочайшей правильностью, достоинством и элегантностью, с которыми представлена его поэзия, нужно заглянуть внутрь и обратить внимание на то, что прячется за этой литературной безупречностью... можно утверждать, что поэзия Леопарди гораздо более тревожна, чем можно предположить. В ней есть и твердость, и проза, и литературная форма, но в то же время есть сладчайшая, самая чистая и гармоничная поэзия; и, может быть, эта трудность предшествует свободным движениям фантазии и ритма или следует за ними, и заставляет лучше почувствовать чудо поэтического творчества» [3, с. 204].

Многие исследователи истории и литературы этого периода (среди них Б. Кроче), считали, что национальное объединительное движение было во многом подготовлено именно деятелями литературы. Среди главных имен называют Алессандро Мандзони и Джакомо Леопарди.

Алессандро Мандзони – еще один поэт, писатель и общественный деятель, принимавший активное участие в социальной жизни Италии того времени и оказавший существенное влияние на процесс формирования итальянской идентичности и итальянского языка. Он получил образование за границей, но с юности поддерживал отношения с соотечественниками-интеллектуалами (особенно был близок с В. Монти и У. Фосколо). С 16 лет начинает поэтические опыты, некоторые из которых достаточно успешны, и к 18 годам приобретает определенную известность в итальянских поэтических кругах.

«Когда в 1812 году Мандзони взялся за написание «Фермо и Лучия» лингвистическая ситуация в стране была очень сложной. Как поясняет Мандзони в письме Форьелю, написанному еще до начала работы над романом «Обрученные», общение жителей разных регионов представляло собой значительные трудности и было лишено спонтанности, потому что единственной альтернативой диалектам был современный литературный язык, существовавший в форме искусственной и условной, выстроенной по высоким идеалам флорентийского Треченто, весьма далекой от понимания простых людей. Именно тогда Мандзони ставит перед собой достаточно амбициозную цель – создать общий язык для всей итальянской нации. Для Мандзони вопрос языка выходит за рамки литературной дискуссии, он воспринимает его как проблему социальную и политическую. Для Мандзони создание общего литературного языка было так же вопросом престижа – это означало поставить Италию наравне с другими европейскими государствами, имеющими уже свой национальный язык, которым пользуются все» [5], и полнокровный литературный язык.

В качестве языковой модели А. Мандзони выбрал современный ему тосканский диалект, используемый образованными флорентийцами.

В первой фазе создания романа, которую сам Мандзони определял, как «тосканско-миланская», автор опирался на тосканскую литературную традицию и постарался избавить текст от ломбардских регионализмов. В этой работе автор опирается на традиционный тосканский диалект, который он воспринимает, как общеитальянский и сопоставляет его с живыми языками, которыми он владеет (французский и миланский диалект).

Именно таким языком и написан исправленный вариант романа «Обрученные», вышедший в 1827 году в 3-х томах в миланском издательстве Феррарио. Но сразу же после публикации Мандзони задумывается о более тщательной языковой проработке материала, для чего отправляется во Флоренцию и погружается в живой разговорный флорентийский. Этот опыт убеждает его, что за модель необходимо взять не словарные формы, но реальную разговорную норму. Он упорно погружается в изучение живого флорентийского диалекта, составляет списки слов и выражений, просит друзей пересмотреть текст романа. В результате глубинного лингвистического исследования и размышления Мандзони приходит к выводу, что только разговорный флорентийский, в основе которого по большей части содержится литературный флорентийский, может стать основой для объединения нации.

Решение Мандзони переработать изначальную версию романа и переписать его на флорентийском важно не столько с лингвистической точки зрения, сколько с политической, считает исследователь Клаудио Поволо. Когда Мандзони только задумывал свой роман, он поделился в письме другу Форьелю сентенцией, что

«разговорная норма итальянского настолько далеко ушла от письменной, что его можно считать мертвым языком». Итальянцы говорили каждый на своем диалекте и более-менее понимали диалекты соседних регионов. Единственным языком, который отличался ареалом распространенности, был выделившийся во времена позднего Средневековья и раннего Возрождения флорентийский [4; 7].

Критики объясняют успех романа тем фактом, что произведение Мандзони не только качественное с литературной точки зрения; ему удалось угадать и вложить в него индивидуальные и социальные идеи того времени, перекликающиеся с его собственными социально-политическими взглядами. Он вывел на сцену новых персонажей, которые нашли отклик не только в узком кругу элиты общества, но и у широких масс [5].

Мысли о свободе и единстве Италии с детства впитал один из отцов итальянской нации, не слишком знаменитый за рубежом, вклад которого в объединение Италии не менее значителен, чем всемирно известного революционного деятеля Гарибальди, которого именно он и привлек в движение по объединению Италии.

Речь идет о Камилло Бенсо ди Кавур – одного из главных деятелей Рисорджименто. Великий ткач единой Италии известен своим остроумием, политическим интеллектом и способностью примирить разных людей, внесших свой вклад в национальное единство.

Как и многие представители этого романтического поколения Кавур с детства мечтал о единой Италии.

Именно благодаря его упорной закулисной работе ему удалось по частям собрать воедино территории, веками существовавшие вне единого государства. Он вел переговоры с Австрией, заключал союзы с Францией, участвовал в Крымской войне. Все эти извилистые тропы вели его к заветной цели.

Он был новатором, ратовал за нововведения в сельском хозяйстве и промышленности, поддерживал свободную торговлю и банки. Был среди первых, кто выступал за развитие железной дороги в Италии, рассматривал ее, как важнейшую предпосылку национальной независимости.

В декабре 1847 Кавур основал газету «Рисорджименто», в которой он транслировал свои «умеренные» идеи, «*juste milieu*», тонко лавируя между правыми и левыми экстремистскими взглядами. Еще в 1835 г. в письме своему другу он превозносит политику «золотой середины», «единственной политики... способной спасти общество от двух подводных камней, которые ему угрожают: от анархии и деспотизма» [6, 534].

В 1857 году дал добро на создание «Итальянского национального общества», целью которого было объединение Италии вокруг Пьемонта. Основатели общества, будучи соратниками Кавура, придерживались умеренных идей в объединении, их лозунгом был «Италия и Виктор Имануил».

В 1859 г. членом общества стал Джузеппе Гарибальди – национальный миф революционного духа.

Отношения Кавура и Гарибальди не были простыми. Некоторые отечественные исследователи считают, что, официально поддерживая компанию Гарибальди 1960 года, тайно Кавур всячески препятствовал этому походу. У итальянских историков нет однозначного мнения на этот счет.

Представляется интересной позиция именитого исследователя периода Рисорджименто Дэниса Мак Смита: «В течение шести месяцев этого года (1860-го П.п.) существовало два конфликтующих политических центра во все еще разобщенной стране, один из которых находился в Турине, где Кавур был премьер-министром Пьемонта, а другой – в Палермо и Неаполе, где Гарибальди правил как революционный диктатор. Кавур в конце концов смог навязать свое собственное решение, но ему это удалось только потому, что его радикальные противники сначала вырвались из-под его руководства, а затем вынудили его к действиям, которых он не планировал и даже не предвидел» [7, с. 9].

Несомненно, Кавур боялся и не доверял народным революционным идеям. Возможно его юношеские увлечения померкли в результате французских событий 1830 и 1848 годов. Одновременно он боялся потерять поддержку могущественной части населения Пьемонта, которая участвовала в голосовании и принимала решения. Он был твердо убежден, что движения народных масс должны находиться под контролем. Кавур был итальянцем до мозга костей, или, как говорят сами итальянцы – «Итальянцем док» (от классификации качества итальянских вин DOC – *di origine controllata* – «с контролируемым происхождением»), но его родным языком был французский, да и его родной Турин, на момент его рождения, в 1810 году, был французской провинцией. На протяжении всей жизни ему проще было выражать свои мысли на французском, и он никогда не был южнее Флоренции и Болоньи. Возможно, его видение Единой Италии в конце было несколько прагматичным (особенно в отношении Юга) и отличалось от его политических оппонентов. Однако это не умаляет его вклада в движение объединения.

После смерти Кавура в Сенате выдающийся политический и культурный деятель Ф. Де Санктис выступил в защиту его наследия. «Мы маленький народ, – сказал Де Санктис в своем выступлении, – но в нашем сердце вся Италия, все ее желания; и мы хотим управлять, тратить и действовать так, как если мы были Италией. Таков выбор народа Пьемонта, таково знамя, поднятое графом де Кавур» [8, с. 63].

Наше небольшое исследование не ставит перед собой целью вскрыть все глубинные механизмы взаимоотношения этих двух, таких разных по взглядам, происхождению и социальному статусу, творцов итальянской нации. Мы упоминаем о них лишь для того, чтобы продемонстрировать насколько сложной была динамика формирования единого итальянского государства и насколько непростым, по аналогии, будет процесс формирования итальянского языка.

«Италия сделана, теперь нужно сделать итальянцев». Эти слова, приписывают итальянскому писателю и политику Массимо Д'Адзельо, он произнес их вскоре после 1861 года. Они показывают, что Италия была единой, но не все итальянцы были едины, не все чувствовали себя итальянцами. В 1861 году из двадцати пяти миллионов жителей, людей, которые умели говорить на так называемом «литературном итальянском», было самое большее два с половиной миллиона (то есть 10 % населения), и более 75 % итальянцев не умели ни читать, ни писать.

С 1861 ситуация начинает меняться и эти изменения связаны с именем Алессандро Мандзони. Именно ему выпала удача воплотить идеи о национальном единстве в языке.

С 1830 по 1859 Мандзони был занят написанием теоретического трактата «О национальном языке»; это исследование осталось незаконченным.

В целом, после 1840 года в языке Мандзони можно наблюдать существенное присутствие флорентийских черт. Это касается в частности теоретических трактатов по лингвистике и истории (его знаменитый Доклад 1968 и Дополнение к докладу 1969). Кажется, что Мандзони намеренно придает свою стилю функцию лингвистической «модели», делая его инструментом поддержки своей флорентийской теории.

Идеи об общенациональной значимости флорентийской нормы были приняты и подхвачены членами флорентийской подкомиссии во главе с Никколо Томмазо. В своем письме, выражающем общее мнение подкомиссии, он разделяет мысль Мандзони о важности присутствия в школе учителей-выходцев из Тосканы, именно они смогут поддержать и продвинуть лингвистическое единство нации, но одновременно возражали Мандзони по поводу достаточности устной нормы и советовали обратиться и к письменным источникам («*Relazione della sottocommissione fiorentina*»).

Однако, несмотря на некоторый скепсис Флорентийской подкомиссии предложение Мандзони опираться в основном на устную норму нашло практическую поддержку в лице министра Э. Брльо, который 24 октября 1868 учредил комитет по изданию «*Novo vocabolario della lingua italiana secondo l'uso di Firenze*» (Нового словаря итальянского языка, согласно Флорентийской традиции) в составе четырех основных членов и нескольких дополнительных. Министр решил сам возглавить этот комитет, чтобы избежать бюрократических проволочек.

Главной целью комиссии было распространение правильной языковой нормы по всей Италии. В комиссию вошел и А. Мандзони, считающий лингвистическое объединение необходимым завершением политического. Результатом работы комиссии стал «Доклад Министру образования» Эмилио Брльо, в котором автор подтвердил свои основные взгляды на современный литературный язык – он должен основываться на разговорном языке жителей Флоренции и изложил свои взгляды на методологию внедрения своих идей о национальном языке в систему общего образования и который был впоследствии опубликован под названием «*Dell'unità della lingua e dei mezzi di diffonderla*» (О языковом единстве и средствах по его распространению) [9, с. 44].

Распространению общего языка также способствовали региональные словари, которые позволили сделать переводы с диалектов на общий итальянский язык и школьное обучения, направленное на улучшение нового общего языка за счет местных диалектов (что казалось насилием некоторым лингвистам, таким как оппонент Мандзони Г. Асколи).

Идеи Мандзони о нации и национальном языке сводятся к необходимости принятия современной флорентийской модели для всей Италии. Они выросли из его понимания и принятия Французской революции в приложении к особенностям политической ситуации в Италии. Он не принимал ярко выраженного национализма и в целом не был сторонником революционных решений. Для него это была проблема скорее моральная, чем политическая. Он предлагал объединенному государству объединить политические и религиозные принципы, что привело бы к политическому и экономическому либерализму.

Анализируя лингвистическую реформу Алессандро Мандзони на страницах своего журнала «Критика» Бенедетто Кроче отметил некоторые негативные стороны этого процесса, в частности лишение языка поэтичности, в результате искоренения лингвистических излишеств, к коим Мандзони относил экзотизмы, латинизмы, диалектизмы и т.д. [10, с. 8]. Но подводя итог философ все же признает, что для конкретной исторической ситуации это было подходящее решение. После взлета патриотического духа в обществе ощущалась необходимость сосредоточиться на более обыденных вещах, мелочах ежедневной рутины для которых был необходим более приземленный и упрощенный язык, который и предлагал Мандзони.

А. Мандзони, первый автор объединенной Италии стал для нее личностью-символом, не получившим, к сожалению, широкой поддержки современников. Многие его проекты остались незавершенными (исследования по Французской революции 1789 и Итальянской революции 1859 сохранились лишь в форме эссе, опубликованного посмертно) или развивались отлично от его первоначальной идеи (идеи о флорентийском диалекте как национальном языке для всей Италии). Однако невозможно отрицать тот факт, что Мандзони, благодаря его весу не только как литератора, но и общественного деятеля, удалось сместить проблему национального языка с поля литературного на поле социальное, где он перестал быть просто способом коммуникации, но социальным актом, объединяющим молодое государство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сталь, Ж. де «Коринна, или Италия» / Ж. де Сталь ; пер. М. Черневич. – М.: Эксмо, 2014. – 608 с.
2. Леопарди, Дж. Избранные произведения / Дж. Леопарди. – М.: Худ. лит, 1989. – 302 с.
3. Croce, B. Note sulla poesia italiana e straniera del secolo decimonono. XIX. Leopardi. / B. Croce // *La Critica*. – 1922. – № 20. – P. 193–204.
4. Povoio, C. The novelist and the archivist: fiction and history in Alessandro Manzoni's *The Betrothed* / C. Povoio. – PALGRAVE MACMILLAN, 2014. – 131 p.
5. Салеева, М. В. Алессандро Мандзони и формирование национального языка в Италии // Дискуссионные вопросы романистики [Электронный ресурс] : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 10 окт. 2018 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: О. В. Лапунова (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2018. – С.186–193.
6. Romeo, R. Cavour e il suo tempo (1810–1842) / R. Romeo. – Vol.1. – Bari, Laterza, 1969. – 838 p.
7. Smith, D. M. Cavour and Garibaldi 1860 / D. M. Smith. – Cambridge University Press, 1985. – 458 p.
8. Croce, B. Dai “Discorsi politici”, non mai raccolti, di Francesco di Sanctis / B. Croce // *La Critica*. – 1913. – № 11. – P. 56–77.
9. Polimeni, G. La similitudine perfetta. La prosa di Manzoni nella scuola italiana dell'Ottocento / G. Polimeni // *Critica letteraria e linguistica*. – Vol. 84. – Francoangeli, 2012. – 320 p.
10. Croce, B. Note sulla letteratura italiana nella seconda metà del secolo XIX. XLIV. Alessandro Manzoni e la questione della lingua / B. Croce // *La Critica*. – 1913. – №11. – P.1–8.

Each language in the process of its formation is going through periods of ups (or intensive development) and downs (slowdown, stagnation). This is due to both the favorable / unfavorable historical, political, economic situation, and the emergence of certain historical figures.

In 2011, Italy celebrated 150 years of national unity, the paper provides a brief analysis of the period before and after unification, and how these events affected the process of the formation of a national language and identity.

Key words: Italy, national identity, national language, Risorgimento, Leopardi, Cavour, Garibaldi, Manzoni